

ЧАСТЬ III

«МУЖСКОЙ ПСИХОАНАЛИЗ» ПРОТИВ ДИСКУРСА ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Проект «Автономии» Корнелиуса Касториадиса:
против «магмы гендера»*

Виктор Мазин

В двух словах

«Философ автономии», экономист и психоаналитик Корнелиус Касториадис (*Κορνήλιος Καστοριάδης*) родился в Константинополе 11 марта 1922 года. В 1923 году семья переехала в Афины. В возрасте 12 лет Корнелиус увлекся марксизмом и философией, в 15 лет вступил в подпольный Афинский союз коммунистической молодежи. В 1941 году стал членом коммунистической партии, но через год из нее вышел, став активистом-троцкистом. Его начали преследовать как фашисты, так и коммунисты.

После завершения учебы в Афинском университете (политические науки, экономика, право), уехал в Париж, где присоединился к Троцкистскому коммунистическому интернационалу. В 1948 году порвал с ним и вместе со своим другом, философом Клодом Лефором основал в 1948 году группу *Социализм или варварство*, в которую вошли также Жан-Франсуа Лиотар и Ги Дебор. Группа просуществовала до 1967 года.

Корнелиус Касториадис был не только активистом и одним из вдохновителей революции 1968 года, но до 1970 года работал экономистом в Организации экономического сотрудничества и развития. Чтобы не быть депортированным,

писал политические тексты под псевдонимами. В 1970 году получил французское гражданство.

Касториадис – энциклопедист. Его никогда не привлекали отдельные науки, отдельные области познания. За свою жизнь он написал множество статей по психоанализу, экономике, философии, эпистемологии, политике, антропологии, физике, лингвистике, биологии, социологии, искусству. Умер Корнелиус Касториадис 26 декабря 1997 года в Париже.

Назад к Марксу

Итак, Маркс входит в жизнь Касториадиса, можно сказать, с детства. Его главный труд, книга *Воображаемое установление общества*, начинается со слов: «Всякий, кого интересует социальные проблемы, сразу и неизбежно сталкивается с марксистским учением». ¹ Эта неизбежность, равно как и неизбежность психоанализа, обусловлены концептуальной пропиткой ими языка середины 20 века. Таково установление общества как институциализация магмы воображаемых социальных значений, включающая и экономику гендерной дифференции. Задача, по Касториадису, заключается не в подтверждении или опровержении теории фактами, а в том, чтобы «начать размышлять над значением теории... над ее категориями и над тем типом взаимоотношений, который она предполагает установить с реальностью». ² В этом смысл возврата к Марксу – вопреки тому, что возврат как таковой невозможен. Возврат в первую очередь нарушает принципы, установленные самим Марксом, ведь именно «Маркс был первым, кто доказал, что значение какой-либо теории невозможно понять вне связи с исторической и социальной практикой». ³ Маркс, а вслед за ним и Фрейд, деконструировали оппозицию теория/практика. Таким образом, как в одном, так и в другом случае, история не просто не может не приниматься в расчет, но историческая практика задает параметры теории. Именно Маркс, как напоминает Касториадис, сформулировал необходимость осмысления истории в зависимости от категорий конкретной эпохи и конкретного общества. Нельзя воспринимать теории Маркса как простые схемы, прилагаемые к истории человечества. В первую очередь необходимо понимать и изучать собственное общество, «показывая, что ни одна из форм социальной трансформации, существующих на сегодняшний день, не является неизбежной, поскольку эти формы существовали не всегда». ⁴ История — воображаемое творение, область, в которой разворачивается творчество человека, в то время как философия, демократия — не продукты исторической эволюции, а творения, представляющие *разрыв* с установленной традицией.

Касториадис – критик. Он предпринимает критику Маркса и марксизма, Альтюссера и Фуко, Гваттари и Делеза, социализма и капитализма. СССР – не коммунистическое, а бюрократическое государство, отличавшееся от Запада

лишь централизованным аппаратом власти. СССР – милитаризованная держава с отсталой экономикой, и правит им не столько государственно-партийный бюрократический аппарат, сколько военные, одержимые империалистическими идеями, так что говорить нужно даже не о бюрократии, а о стратократии.

Одной из главных проблем марксизма, на взгляд Касториадиса, является превращение его в идеологию в том смысле слова, которое придавал ему сам Маркс. Идеология — совокупность идей, не объясняющих, не изменяющих реальность, но нацеленных лишь на то, чтобы реальность эту завуалировать и оправдать. Как так получилось?

Во-первых, марксизм превратился в официальную догму в странах так называемого реального социализма. От имени Маркса коммунистические партии оправдывают свои деяния, если не сказать злодеяния. Под эгидой марксизма бюрократия обеспечивала работу репрессивного государственного аппарата.

Во-вторых, марксизм стал идеологией многочисленных политических сект. Каждая из них привержена избранной истине, невзирая на реальность. Члены секты исповедуют свою веру и живут в своем мире. Трансформация марксизма в законченную теорию, в целостную систему бюрократизировала марксизм, уничтожила его изначальное революционное вдохновение. Радикальный проект Касториадиса направлен против бюрократии, истеблишмента, институтов. Марксизм как институциональное застывание магмы социальных отношений перестает быть живой теорией. Категории, которыми мы пользуемся для осмысления истории, сами являются продуктами исторического развития. Нельзя, например, применять экономические категории для осмысления античности, поскольку тогда господствовали категории политические. Невозможно использовать сегодняшние гендерные категории для осознания эротических отношений прошлого.

В сторону психоанализа

Ради психоанализа Корнелиус Касториадис оставляет экономику. В 1964 году Жак Лакан учреждает *Фрейдову школу Парижа*, и Касториадис становится ее членом. Спустя три года Касториадис противопоставляет себя Лакану и в 1969 выходит из *Фрейдовой школы Парижа*.

Касториадис принимает активное участие в создании *Четвертой группы*. Первый анализ он проходит у Ирэн Рублёф, второй – у Жана-Поля Вальбрега. В 1973 году Касториадис открывает свою психоаналитическую практику.

Основное понятие размышлений Касториадиса – *воображаемое*. А как же символическое? – спросят знатоки Лакана. Символическое, как и у Лакана, у Касториадиса не существует как таковое. Но если Лакан делает акцент на символической прострочке воображаемого, то для Касториадиса символическое – «часть и функция воображаемого».⁵

Психоанализ помогает ему переосмыслить философскую традицию. Смысл автономного общества – в существовании автономных субъектов. Психоанализ может стать основанием для политической автономии. Саморефлексивная активность автономных субъектов создает автономное общество. Понятно, что Касториадис не призывает всех граждан пройти курс психоанализа – скорее, его привлекает идея реформы образования и политической системы, которая создала бы условия для самосознания.

Философ автономии

Социальные перемены представляют собой радикальные разрывы, которые невозможно понять в терминах каких-либо определенных причин, предписывающих последовательность событий. Перемены возникают через *социальное воображаемое*, без каких-либо детерминант, но ради установления в качестве революции. Автономия – ключевая тема послевоенных работ Касториадиса. Он до последних дней занимался разработкой этого понятия, потому и заслужил имя «Философа Автономии».

Автономные общества Касториадис противопоставляет гетерономным. Любое общество создает свои воображаемые образования (институты, законы, традиции, верования), но только *автономное общество* позволяет своим членам осознавать сам факт создания воображаемого. В отличие от автономного сообщества, члены гетерономных сообществ приписывают воображаемые образования каким-то экстра-социальным авторитетам – Богу, Предкам, Исторической Необходимости, или, как это происходит в сегодняшнем технонаучном капитализме, – Природе Мозга, в том числе Мозга Женского и Мозга Мужского. Общество автономно, если оно осознает отсутствие какого-либо внешнего, трансцендентного источника, создающего его институты и законы.

Касториадис различает капиталистическое воображаемое и творческое воображаемое. Первое создает утрату смысла существования, повторение пустых форм, конформизм, апатию, безответственность, цинизм, безграничную экспансию потребления, псевдорациональное псевдогосподство. Политическое и социальное пробуждение от капиталистического сна должно привести к проекту индивидуальной и коллективной автономии. Это пробуждение – путь к творческому воображаемому.

Творчество Касториадиса посвящено интерпретации философии и демократии на основе идей индивидуальной и социальной автономии. Социальная автономия предполагает не только установление обществом законов, но также признание себя в качестве их источника. Индивидуальная автономия означает необходимость создания своих собственных законов при полном осознании своих желаний. Автономия – в том числе и гендерная – предполагает непре-

рывное вопрошание о законах и их основаниях, о способностях создавать законы и институты. Два уровня автономии немислимы друг без друга. Индивидуальная автономия возможна только в том случае, если граждане принимают непосредственное участие в образовании, учреждении социальных законов, обуславливающих их активность. Это, в свою очередь, означает, что социальные организации основаны на прямой демократии, а не на сегодняшней представительской, которую Касториадис называет «либеральной олигархией».

Одной из черт этой культуры, по Марксу, является овеществление экономического человека. Касториадис отмечает, что овеществление не может быть полным, оно действует лишь благодаря невозможности своей полной реализации. Если бы люди окончательно превратились в бессловесные вещи, капиталистическая система рухнула бы. Овеществленные мужчины и женщины должны говорить, предоставляя рынку пустые формы для фабрикации желаний. Институционализация воображаемого требует «социального делания и социального представления-говорения». ⁶ Условия дееспособности капиталистической экономики — овеществление людей и сопротивление людей этому процессу. *Сопротивление и предполагает автономизацию субъекта. Сопротивление предполагает осмысление того, что обычно не подвергается сомнению. Например, того, что нужно зарабатывать деньги, их накапливать, тратить и вновь зарабатывать. Например, того, что нужно делать карьеру. Например, того, что нужно занимать предписанные места в гендерной стратификации. Сопротивление возможно в осмыслении культурных, институциональных, исторических разрывов. Так, «естественная», как сказал бы Фукуяма, капиталистическая позиция, «которая полагала бы смыслом жизни накопление и сохранение богатств, — отмечает Касториадис, — показалась бы индейцам квакиютли безумием... Стремление к власти и первенству показалось бы безумием индейцам племени зуни. Чтобы заставить кого-либо стать главой племени, они бьют его, пока он не согласится».* ⁷ Не удивительно, что Касториадис говорит о том, что необходимо создать «экономический психоанализ», который вскрывал бы тщательно охраняемый сегодняшними политиками экономический порядок, основанный на *эксплуатации либидо*, капиталистический порядок, *учрежденный на гендерной стратификации как источнике извлечения прибавочной стоимости*.

Обслуживающая экономику политика обращается с людьми как с неодушевленными вещами. Революционная политика, по Касториадису, — практика, нацеленная на ориентацию общества в направлении всеобщей автономии, что предполагает его радикальную трансформацию. Для этого, в частности, необходимо вести борьбу с логикой отождествления, действующей по принципу: *А есть Б*. Эта логика не позволяет увидеть общественно-историческое как радикальное воображаемое, как *иное*. Для Касториадиса история — творчество. Институционализированное общество подрывается социальным воображаемым. Параллельно фетишизации субъекта экономической политики происходит и

фетишизация науки. Еще один фронт борьбы Касториадиса открывает критику сциентистской мифологии научной легитимации-фиксации всего сущего. Гендерные отношения, для науки, – не продукт социального воображаемого, а церебрально-генетическая данность, с которой ничего не поделать, разве что эксплуатировать.

В *фетишизации науки*, так же как и в отождествляющей логике технонауки видит Касториадис источник социального угнетения. Сциентизм и позитивизм — продукты второй половины 19 века, того времени, когда они добились «триумфальной победы благодаря многочисленным научным открытиям, их экспериментальному доказательству и особенно применению науки — впервые в подобных масштабах — в области индустрии». ⁸ Таким образом, объектом критики Касториадиса становится технонаука. В технонаучном обществе капиталистического воображаемого автономия подменяется индивидуализмом. Индивидуализм же заключается в том, что «в 8:30 утра телевизионные приемники настраиваются на одну и ту же волну, получают одни и те же телевизионные программы, распространяющие один и тот же хлам. Сорок миллионов индивидов как по команде делают одно и то же, и это называется индивидуализмом!». ⁹ Лозунг индивидуализма: «Делаю, что хочу»; при этом весь трюк состоит в бюрократически-садистическом отчуждении, ведь на деле «делаю, что хочу» это «делаю, что хочет Другой», и я наслаждаюсь ролью любриканта бюрократической машинерии. Лозунг автономии: «Делаю, что считаю правильным после раздумий». Автономный субъект не лишает себя удовольствия, но и не совершает нечто *лишь* потому, что это доставляет удовольствие. Более того, в сегодняшнем обществе индивидуализм лишен какой-либо индивидуальности: индивид ходит, как все, в офис; ест ту же еду, что и все; смотрит те же телепрограммы, что все. Индивид подчиняется дискурсу Другого. Автономизация индивида заключается в следующем: «Мой дискурс начинает занимать место дискурса Другого, чуждого мне дискурса, находящегося во мне, имеющего власть надо мной и через меня говорящего». ¹⁰ Социальное измерение автономии заключается в существовании самой возможности поставить под вопрос бюрократически сциентистский дискурс Другого.

Работа мысли

Самая знаменитая книга Корнелиуса Касториадиса *Воображаемое установление общества* увидела свет в 1975 году. Книга эта включает две большие части — «Марксизм и революционная теория» и «Социальное воображаемое и институционализация». Писались части в разное время и отражают разное состояние мысли Касториадиса, ¹¹ являя сам «процесс работы мышления» во времени.

Мысль не только подвержена воздействию времени, но и действительна; Касториадис говорит о *мыслящем действии*. Любая мысль, независимо от ее содержания и объекта, представляет собой способ и форму общественно-исторического движения. Мыслящее действие неотделимо от времени, от мира, «продуктом которого она явилась и формированию которого, в свою очередь, способствовала».¹² Мыслящее действие включено в мир. Нет такой точки, из которой можно было бы взглянуть на историю и общество отстраненно, извне: «мысль об обществе и истории сама принадлежит обществу и истории».¹³ То, что мысль осознает себя в качестве принадлежащей социально-историческому действию, не позволяет ей занять какую-либо метапозицию, выйти за рамки способа своего существования, но дает возможность не заблуждаться на свой собственный счет. Мысль проясняет себя и тем самым становится тем трудом, который позволяет человеку осмыслить то, что он делает, осознать то, что он мыслит.

Одна из узловых идей книги Касториадиса состоит в том, что в схемах мысли «выражается, разрабатывается, уточняется все, что человечество смогло понять в течение сотен тысяч лет, и что в них в определенном смысле отражаются тенденции институционализации общества».¹⁴ Такое отношение к мысли ведет Касториадиса к идее необходимой ответственности за собственные высказывания. Одни говорят от имени бытия (Платон), другие — от имени законов истории и пролетариата (Маркс), но мало кто говорит от своего собственного имени. Такая речь от имени других в лучшем случае ведет к тому, что слушатели могут узнать в ней себя, «но это еще ничего «не доказывает», поскольку высказывание может приводить к «узнаванию», которое могло бы и не возникнуть, не будь самой этой речи. Так миллионы немцев «узнавали себя» в речи Гитлера, миллионы «коммунистов» — в речи Сталина».¹⁵ Переадресованная речь чаще всего звучит в политике. Политики говорят от имени узнаваемых воображаемых категорий — народа, детей, военных, рабочих, пенсионеров, женщин. И даже от имени гендерного равенства!

Психоанализ становится для Касториадиса дисциплиной, нацеленной на раскрепощение воображения. Воображаемое непосредственно связано с *представлением* как элементарным понятием психической реальности Фрейда. Представление — творение воображаемого мира. Представление содержит два вектора, аффективный и интенциональный, представляющие желание. Человек способен формировать представления в соответствии со своим воображением и желаниями. Желания же он может удовлетворять в представлениях, посредством *автономизации* воображения.

Воображаемое Касториадиса не совпадает с таковым Лакана: лакановское воображаемое, генетически связанное со стадией зеркала, «является не чем иным, как образом чего-то и образом отраженным, другим отражением; побочным продуктом платоновской онтологии».¹⁶ Для Касториадиса воображае-

мое не может исходить из образа в зеркале или взгляда Другого; скорее, «само зеркало, возможность его существования и Другой как зеркало суть творения воображаемого как творчества *ex nihilo*». ¹⁷ Воображаемое — не образ чего-то, оно «представляет собой непрерывное, по сути своей необусловленное творчество (как общественно-историческое, так и психическое) символов/форм/образов, которые только и могут дать основание для выражения «образ чего-то». То, что мы называем «реальностью» и «рациональностью», суть результаты этого творчества». ¹⁸ Социальное воображаемое, *одновременно* психическое и социально-историческое, задает координаты человеческой сексуальности, гендерной дифференциации. Социальное воображаемое отличается способностью создавать нечто радикально новое, то, что невозможно вывести из предшествующего опыта.

Автономизация

Исходная точка размышлений Касториадиса — аналогия между целями и задачами политики, целью которой является автономия, и целями и задачами психоанализа в его стремлении подтолкнуть индивида к обретению самостоятельности. Касториадис размышляет о политике и психоанализе в стремлении предложить новое объяснение неразрешимых трений, существующих между сингулярным измерением человека и измерением анонимным коллективным, одновременно социальным и историческим.

Именно автономия — связующее звено измерения психоаналитического и политического. Политика должна быть нацелена на освобождение субъекта. Её цель — свобода, а не счастье. Счастье как политический объект — не просто ошибка, в том числе и Маркса, но катастрофа. Результатом политических манипуляций со счастьем оказывается тоталитаризм, в том числе и в застывании *гендерной магмы*. В то же время «психоанализ не может быть инструментом *социального* освобождения, он не может освободить нас от общества, в котором господствует идея денег, или от непомерной власти государства. У психоанализа нет возможности превращать пациентов в революционеров, но он может помочь им преодолеть торможения, сделать их более мыслящими, более активными». ¹⁹

Вопреки радикальному различию между психическим и социально-историческим оба измерения содержат некий общий элемент: уровень значения, который не выводится из реальности и который не основывается на рациональности. Это уровень *воображаемого*. Он восполняет органическую недостаточность человека: «Гегель сказал, что человек — больное животное. Мы должны высказаться более жестко: человек — безумное животное, совершенно непригодное для жизни». ²⁰ Эта непригодность обуславливает создание воображаемых установлений общества. Воображаемое выступает в качестве творческой силы. В том числе и автономно мыслящего субъекта.

Как субъект автономизируется? С одной стороны, речь идет об установлении отношений субъекта с собой, отношений между рефлексией и другими психическими инстанциями, между собой сегодняшним и своей историей. Этот уровень предполагает освобождение субъекта от рабства повторения и пробуждение в нем творческих сил воображения. Психика, по Касториадису, вообще «есть первичное воображение».²¹ Воображение формирует представления. С другой стороны, человек неизбежно интернализует социальные установления. Поэтому автономный субъект не может появиться там, где социально-историческое поле не изменено до такой степени, что в нем открыто пространство безграничного вопрошания. И где же в сегодняшней масс-медийно-торгово-сциентистско-тоталитарной среде такое пространство?

Литература:

1. К. Касториадис, *Воображаемое установление общества*, Перевод с французского Г. Волковой, С. Офертаса (М.: Гнозис; Логос, 2003), 480 с.
2. S. Benvenuto, C. Castoriadis, "A Conversation", *Journal of European Psychoanalysis*, No.6, 1998, Pp.93-107.
3. C. Castoriadis, "Le bon plaisir: entretien Cornelius Castoriadis et Jean-Luc Donnet", C. Castoriadis, *Dialogue* (Paris: l'Aube, 1999), Pp.37-57.
4. C. Castoriadis avec Octavio Paz "Face à la modernité", C. Castoriadis, *Dialogue* (Paris: l'Aube, 1999), Pp.9-36.
5. C. Castoriadis et Francisco Varela "Entretien", C. Castoriadis, *Dialogue*. (Paris: l'Aube, 1999), Pp.59-82.
6. F. Ciaramelli, "An introduction to Cornelius Castoriadis's work", *Journal of European Psychoanalysis*, No.6, 1998, Pp.87-91
7. В. Мазин, «Корнелиус Касториадис. Воображаемое установление общества», *Критическая масса*, №1, 2004, Сс.80-83.
8. E. Roudinesco, M. Plon, "Cornelius Castoriadis", *Dictionnaire de la psychanalyse* (Paris: Fayard), p. 171

1 К. Касториадис, *Воображаемое установление общества*, Перевод с французского Г. Волковой, С. Офертаса (М.: Гнозис; Логос, 2003), с. 15.

2 Там же, с. 25.

- 3 Там же, с. 16.
- 4 Там же, с. 36.
- 5 S. Benvenuto, C. Castoriadis, "A Conversation", *Journal of European Psychoanalysis*, No.6, 1998, p. 98.
- 6 К. Касториадис, *Воображаемое установление общества*, с. 442.
- 7 Там же, с. 33.
- 8 Там же, с. 71.
- 9 S. Benvenuto, C. Castoriadis, "A Conversation", p. 98.
- 10 К. Касториадис, *Воображаемое установление общества*, с. 117.
- 11 В. Мазин, «Корнелиус Касториадис. Воображаемое установление общества», *Критическая масса*, №1, 2004, с.80-83.
- 12 К. Касториадис, *Воображаемое установление общества*, с. 8.
- 13 Там же, с. 9.
- 14 Там же, с. 8.
- 15 Там же, с. 10.
- 16 Там же, с. 9.
- 17 Там же, с. 9.
- 18 Там же, с. 9.
- 19 S. Benvenuto, C. Castoriadis, "A Conversation", p. 94.
- 20 F. Ciaramelli, "An introduction to Cornelius Castoriadis's work", *Journal of European Psychoanalysis*, No.6, 1998, p.88.
- 21 К. Касториадис, *Воображаемое установление общества*, с. 352.